

Р. Я. Рассудова

К ИСТОРИИ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В нашу задачу не входит рассмотрение всего комплекса вопросов о сельской общине, ее месте и значении в патриархально-феодальной классовой системе. Мы пытаемся рассказать лишь о некоторых проявлениях общинных отношений на рубеже XIX—XX вв., о возникновении коллектива при земледельческой деятельности членов общины и о характере и степени сохранения общинных отношений. Подобное тематическое и хронологическое ограничение дало возможность, с одной стороны, четко проследить развитие интересующего нас явления в различных природно-хозяйственных условиях и различной этнической среде на значительной части Средней Азии, а с другой, — сопоставить его с подобным явлением в сопредельных странах, исторические судьбы которых в течение многих веков переплетались с историей Средней Азии (Афганистаном и частью Пакистана)¹.

В советской исторической и этнографической литературе накоплен довольно большой материал о различных формах сельской общины в дореволюционной Средней Азии и граничащих с ней странах — Афганистане и Пакистане, однако работы, в которых проводилось бы сравнение форм сельской общины всего указанного региона, нет. В основу данного исследования положены полевые этнографические материалы, собранные с 1952 г. в Ферганской, Зеравшанской, Кашкадарьинской долинах и Ташкентской области, а также данные, опубликованные в специальной литературе по земледелию и истории социальных отношений в Средней Азии и Афганистане.

Особенно ценными для нас оказались работы И. М. Рейснера, В. А. Ромодина, А. Д. Давыдова, содержащие сравнительные данные по зарубежным территориям, на которых общинные отношения порой сохранялись в более древней форме, уже исчезнувшей или сохранившейся в ограниченной степени в Средней Азии. Рассмотрение сельской общины мы начинаем с афганской. Следует помнить, что сохранявшиеся здесь до XIX в. в различной степени общинные отношения выступали на фоне складывавшихся феодальных отношений и неравномерного развития земледелия. Поработенное афганцами местное население (таджики и некоторые другие народы, известные здесь под названием «хамсая»)

¹ В работе использованы материалы по районам Герата, Меймене, Кабула, Желалабада, Кандагара (Афганистан), Пешавара, Дира, Панджера (Пакистан).

сначала находилось на положении зависимых людей (издольщиков-арендаторов либо слуг-ремесленников) общины в целом; позднее — они стали слугами каждого из ее членов в отдельности. В ходе дальнейшего разложения общин постепенно происходила классовая дифференциация как среди самих афганцев, так и среди хамсая. Социальная жизнь восточной части указанных областей осложнялась английским колониальным господством².

К XIX в. на территории Средней Азии сложилось три крупных ханства: Бухарское, Хивинское и Кокандское. Со второй половины XIX в. значительная часть Средней Азии (Ферганская долина и восточная половина Зеравшанской долины, земли в низовьях Амударьи и территории современной Туркмении в границах Туркестанского генерал-губернаторства) вошла в состав обширной Российской империи. Кокандское ханство перестало существовать, а Бухарское и Хивинское оказались под протекторатом России. В результате этого на части территории Средней Азии (запад Зеравшана, долина Сурхандарьи, низовья Кашкадарьи) сохранялись феодальные формы землевладения, в областях же, занятых царской Россией, были ликвидированы многие феодальные привилегии, остатки рабства. Все мероприятия, проводимые царским правительством, способствовали развитию здесь капиталистических отношений и приводили к усилению классового расслоения земледельцев, к ликвидации феодальных устоев и разрушению общинных связей³.

Общинные отношения проявлялись при переделах земель, при распределении угодий, воды, сельскохозяйственных культур, в формах организации труда. Каждая земледельческая община⁴, объединяя несколько населенных пунктов, занимала определенную территорию и имела свою ирригационную систему, которая регламентировала ведение земледельческого хозяйства и соотношение культур. Члены общины оказывали друг другу различные виды помощи, а при проведении трудоемких работ (например, при очистке каналов) выступали единым коллективом. Община имела свое «святое» место для поклонения и разведения огня в честь умерших предков, а также специальное помещение для молитв. Община выступала как единое целое при проведении различных праздников и при жертвоприношениях. Во время свадеб и похорон она была как бы хозяином и полностью обслуживала гостей, пришедших из других мест. Умерших членов общинники хоронили на определенных местах. Каждая община содержала людей, обслуживающих различные ее нужды (плотника, кузнеца, цирюльника и т. д.); оплачивался их труд каждым членом общины индивидуально. Кроме того, среди афганцев община выступала как одно целое и при предоставлении земли зависимым от них хамсая. Афганская сельская община делилась на отдельные кварталы, а каждый квартал состоял из семейно-родственных групп (*пайкал, кош, туп, кунда, келеме, браха-кор, таль* и т. д.). Среди афганских племен и их подразделений кварталы являлись родовыми патронимическими группами, в каждом квартале проживали представители толь-

² И. М. Рейснер, Развитие феодализма и образование государства у афганцев, М., 1954; В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. II, М., 1965; Л. Р. Гордон, Аграрные отношения в северо-западной пограничной провинции Индии (1914—1947), М., 1953.

³ «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2. Ташкент, 1956; «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2, Ашхабад, 1957.

⁴ На всей указанной территории сельская община выступала под различными названиями: кишлак, хель, каум, тайфа, кенд, тараф, мачит, элликбоши и, как установлено нами для средней части Зеравшанской долины, караказан или казаншерик, (для Ташкентской области, Ферганской долины — дош-дашказан). Однако применение ряда терминов для обозначения общины в целом затрудняется тем, что нередко под ними подразумевается лишь часть общины.

ко одного рода, имевшие единого генеалогического предка⁵. Аналогичное положение было и на юге Средней Азии среди туркменских племен. В таких же долинах, как Ферганская, Зеравшанская, Кашкадарьинская, население не только общины, но даже и кварталов большей частью было разнородным по этническому составу. Тем не менее, судя по названию даже современных кварталов, можно думать, что прежде люди селились отдельными племенами и родо-племенными группами⁶. Поэтому, по-видимому, можно сделать вывод о том, что кварталы среднеазиатских сельских общин в прошлом были родовыми патронимическими группами хозяйств⁷, что подтверждается сохранением пережитков этого у населения высокогорных районов Западного Памира. Обычно в кварталах для молений имелось свое помещение — мечеть⁸. Однако в некоторых местах Средней Азии (например в Ферганской долине) встречаются общины, где некоторые кварталы такого помещения не имели. Люди шли в другой квартал или использовали так называемую «пятничную» мечеть, где собирались по праздникам и пятницам мужчины всей общины. Широко распространенные в Афганистане квартальные мужские дохи *худжра*, *миманхана*, *атеш-хана* в Средней Азии встречались лишь в горных районах Бухарского ханства⁹. Но и здесь они, по-видимому, были в распоряжении уже не квартала, а всей общины в целом. В долине же мечети не сохранились ни в кварталах, ни в сельской общине.

Устойчивыми оказались объединения мужчин, организовывавшиеся обычно зимой для совместного времяпрепровождения и совместных угощений. Однако и они составлялись не из мужчин квартала, а мужчин всей общины и группировались по возрастному принципу; вследствие этого таких объединений в общине было несколько. Что касается места сбора, то мужчины собирались в доме одного из участников объединения или в специально выделенном помещении одного из зажиточных крестьян.

В среднеазиатских общинах отсутствовали и башни-убежища, в то время как в афганских общинах они имелись в каждом квартале. Тем не менее и для среднеазиатских общинников, например для жителей Зеравшанской долины, Ферганы, вопрос защиты от опасностей еще в XIX в. стоял довольно остро; и возможно, этим объяснялось наличие общей стены вокруг одного квартала; двое ворот этой стены запирались на ночь даже в мирное время¹⁰.

⁵ По мнению многих советских исследователей, родо-племенные объединения позднего времени нельзя отождествлять с первобытной родовой организацией: поздний род представляет собой патронимии различного порядка. Поэтому термин «родовой квартал», «родовая группа», «род», употребляется нами, как и другими авторами условно. В таких родовых кварталах семьи имели между собой не только родственные связи, но и одновременно входили в состав территориального объединения. См. М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963; «Этнографические очерки узбекского сельского населения», М., 1969; стр. 19; Б. О. Долгих, М. Г. Левин, Переход от родо-племенных связей к территориальным в истории народов северной Сибири, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XIV, М., 1951; И. М. Рейснер, Указ. раб., стр. 49—52, 108—109, 140—144; А. Д. Давыдов, Афганская деревня, М., 1969, стр. 5—11, 31, 70—72, 86—88 и т. д.

⁶ А. Д. Гребенкин, Таджики, узбеки, сб. «Русский Туркестан», вып. 2, М., 1872, стр. 23—102; В. Л. Вяткин, Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета, «Справочная книга Самаркандской области», вып. VII, 1902; И. М. Рейснер, Указ. раб., стр. 99.

⁷ См., Л. Ф. Моногарова, Материалы по этнографии язгулемцев, «Среднеазиатский этнографический сборник II», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XLVII, М., 1959.

⁸ М. С. Андреев, По этнографии таджиков. Некоторые сведения. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 163—165.

⁹ Н. А. Кисляков, Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., М.—Л., 1962, стр. 159—160; «Этнографические очерки узбекского сельского населения», стр. 18—21, 128—134.

¹⁰ «Этнографические очерки узбекского сельского населения», стр. 134—137; Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русаякина, Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, XXIV, М.—Л., 1954.

В афганской деревне каждый квартал был военной единицей, все взрослые мужчины квартала составляли боевой отряд¹¹. В Средней Азии же подобный отряд чаще всего формировался из мужчин всей сельской общины¹². Если у афганских племен сохранялось наряду с общинным и кварталное обслуживание¹³, то у среднеазиатских племен отмечалось только общинное. Более того, кузнецы и плотники, мастера которых нередко располагались в центре крупных селений, выполняли заказы нескольких общин; немало было и таких ремесленников, которые приезжали из города в село на определенное время. Отсутствие специального кварталного обслуживания отмечается в аналогичных условиях лишь в тех областях Афганистана (в оазисах Герата, Маймене и др.), где древнее население (таджики) жило смешанно с другими народами.

Таким образом, на основании кратко изложенных материалов, можно, по-видимому, сказать, что в Средней Азии родо-племенные и родственные связи уступали место территориальным соседским отношениям. Среднеазиатскую общину вполне обоснованно можно отнести к тому «самому новому типу общины», который, по меткому определению классиков марксизма, являлся «первым социальным объединением людей свободных, не связанных кровными узами»¹⁴. Это проявлялось в смешении этнического состава населения общин и даже их кварталов, и в ликвидации «родовых» кварталов, в стирании их границ внутри общины, в возникновении только общинного обслуживания, превращении некоторых кварталных общественных домов в общинные и т. д. Проведенные исследования показали, что процесс образования территориальной сельской общины шел в Средней Азии быстрее, чем в районах Афганистана и Пакистана. Указывая на характерные черты сельской общины, К. Маркс и Ф. Энгельс особо выделяли земельный вопрос, точнее вопрос о соотношении коллективной и частной собственности на землю на разных ступенях существования сельской общины. К. Маркс отмечает, что в территориальных общинах дома являлись уже собственностью земледельца. Что касается пахотных земель, то они в одних условиях сохранялись в общей собственности всех членов сельской общины, в других же — уже стали частной собственностью отдельных ее членов¹⁵. Ф. Энгельс, излагая эволюцию германской общины, отмечает, что после исчезновения передела пахотной земли и перехода ее в частную собственность община сохраняла еще целый ряд других черт первобытного коммунизма¹⁶.

Приведенные нами материалы, относящиеся как к среднеазиатской, так и к афганской общинам, позволяют сказать, что обе эти формы развивались по пути классической общины: от родового объединения к территориальному, от сокращений переделов земли к их исчезновению и установлению перераспределения угодий и культур и, наконец, к ликвидации общинного севооборота и сохранению лишь некоторых форм коллективного труда (особенно устойчиво сохранялись традиции совместного труда в выполнении ирригационных работ).

¹¹ В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. II., стр. 113—114.

¹² Р. Я. Рассудова, Следы общинно-военной организации узбеков, «Сов. этнография», 1968, № 5, В. Л. Вяткин, Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) гг., «Известия среднеазиатского отделения русского географического общества» (далее РГО), т. XVIII, Ташкент, 1928; П. П. Иванов, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг., М.—Л., 1937.

¹³ И. М. Рейснер, Указ. раб., стр. 135—136; А. Д. Давыдов, Указ. раб., стр. 26. Говоря о пастухах, автор называет их общинными, а не кварталными.

¹⁴ К. Маркс, Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 418.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ф. Энгельс, Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 19, стр. 333—336.

Своеобразие общинных отношений в рассматриваемых нами районах Афганистана особенно наглядно выступало в вопросах земле- и водопользования и в организации труда. Наиболее архаическая форма общинных отношений наблюдалась среди афганских племен, которые исследователи разделили (по степени разложения общинных отношений) на три группы. В группе вазиров, афридиев и оракзаев пережитки общинно-родового строя сохранялись наиболее устойчиво. Среди хаттаков, дуррани и пешаварских племен процесс разложения общины протекал весьма быстро. У племен юсуфзаи этот процесс, хотя и шел, но довольно медленно¹⁷.

Земля у ряда афганских племен (*юсуфзаев, марватов, гандапурицев, пешаварцев* и др.) делилась на две части. Одна из них оставалась в общем владении группы родственных племен всего племени или его подразделения и являлась собственностью всего народа. Эта категория земель служила фондом, из которого выделялись дополнительные наделы и отводились пастбища. Совет старейшин запрещал использовать их под пахоту. Кроме того, эти земли сдавались чужакам и зависимому населению. Попутно отметим, что в Средней Азии подобные неразделенные земли, служившие фондом для обеспечения членов общины наделами, сохранялись лишь среди туркмен¹⁸. Правда, во всех остальных орошаемых оазисах также сохранялись общие земли, однако ими уже не наделяли общинников, так как были исчерпаны водные ресурсы или они по своему качеству не годились для возделывания. Поэтому эти земли, находившиеся в общем неразделенном пользовании отдельных (в Ферганской долине) или нескольких (в Зеравшане) общин, служили в основном пастбищем.

Другая возделывавшаяся часть земель была распределена между хозяйствами. В одних районах этими землями пользовались постоянно одни и те же семьи, и наделы являлись их собственностью, в других — все возделывавшиеся земли периодически подвергались переделам. Из сопоставления имеющихся материалов и исследований по интересующей нас территории видно, что переделы земли в ранней форме сохранялись среди афганских племен. Существовало две формы разделов земли, называвшихся здесь *vesh*. В первом случае земли делили равными долями по числу всех членов племени, независимо от пола и возраста по родовому принципу¹⁹. Во втором — земля делилась по генеалогическому признаку, т. е. по степени близости подразделения племени, рода и глав семей к общему родоначальнику, поэтому величина земельной доли была неравной. У некоторых племен существовала смешанная форма раздела земель — сначала делили по родам, а внутри их — по генеалогическому принципу; причем землю получали только взрослые мужчины, владевшие оружием²⁰.

Ранние формы переделов сохранялись у большинства подразделений юсуфзаев. Обмен землями производился по жребию, начиная с самых крупных родо-племенных подразделений и кончая группами и отдельными семьями. Перед очередным переделом старейшины определяли размеры участков так, чтобы всем достались наделы одинакового размера и качества²¹. В результате распределения земли по качеству надел каждого человека состоял из нескольких полос, при этом членам одной семьи отводили полосы рядом. Следовательно, каждая семья имела несколько участков, расположенных чересполосно²². У некоторых афганских племен обмену подлежали не только пахотные земли, но и

¹⁷ И. М. Рейснер, Указ. раб., стр. 122, 142—145.

¹⁸ В. В. Русинов, Водоземельные отношения и община у туркмен, Ташкент, 1918.

¹⁹ И. М. Рейснер, Указ. раб., стр. 104, 121—135.

²⁰ Там же, стр. 113—114.

²¹ В. М. Массон, В. А. Ромодин, Указ. раб., т. II, стр. 123—125.

²² И. М. Рейснер, Указ. раб., стр. 127.

усадебь с жилищами, на что впервые обратил внимание К. Маркс. В результате этого через определенное время люди поселялись вообще на новой территории с другими соседями, в новых жилищах²³.

По утверждению исследователей, среди афганских племен отсутствовал коллективный труд в земледелии. Это положение объясняют тем, что основной хозяйственной ячейкой являлась патриархальная или индивидуальная семья, а также влиянием со стороны древних, завоеванных афганцами народов, «обрабатывавших свои земли инициативным и квалифицированным трудом отдельных крестьянских хозяйств»²⁴.

Учитывая специфическое положение афганских племен как коллективных эксплуататоров местного населения хамся (непосредственных производителей-земледельцев) нам представляется невозможным обосновать отсутствие у афганцев совместной обработки земли только существованием индивидуальной семьи. Как показывают материалы И. М. Рейснера, В. А. Ромодина, Л. Р. Гордон, А. Д. Давыдова, земледельцы-афганцы, став хозяевами в завоеванной стране, непосредственно не участвовали в земледельческом труде²⁵, они ограничивались получением различных по форме и количеству рент со своих издольщиков райат-и-хамся²⁶.

Однако, по-видимому, это не означало, что в районах поселения афганцев совершенно отсутствовал коллективный труд среди тех крестьян-издольщиков, которые непосредственно обрабатывали землю. Как отмечает И. М. Рейснер, в источниках имеется множество свидетельств о существовании еще в XIX в. совместной обработки земли, например у гандапурцев. Подобная форма труда наблюдалась в общинах среди непосредственных производителей, что, как мы увидим в дальнейшем, характерно и для Средней Азии.

В какой-то мере наделы, подобные афганскому вешу, можно, по-видимому, увидеть и в долинах среднеазиатских частей рек Мургаба и Геррируда (последняя река известна здесь под названием Теджен). В низовьях Теджена из-за маловодности рек сохранялось экстенсивное земледелие при переложной системе. Переделы земель проводились здесь по родовому принципу. В этих местах община не знала границ своих земельных владений, но было известно расположение посевов. Владения были определены лишь для значительных родовых групп текинцев, каждая из которых по признаку родства разделялась на две части, состоявшие из двух-трех и более общин. Орошаемые земли, лежащие по каждую сторону канала, находились во владении родовых подразделений. Отдельная община на этой территории получала в пользование лишь пашни, которые она возделывала в течение года. В дальнейшем, после перераспределения земель путем жеребьевки, все общины, подобно афганским, переселялись на новые места. Вследствие такого порядка земледелие было фактически подчинено кочевому образу жизни²⁷. Как и в других районах расселения туркмен, возделывавшиеся земли разделялись по качеству на два вида: *мюльковые* и *санашиковые*, т. е. собственные и «пересчетные». Однако вследствие маловодности рек и экстенсивности зернового земледелия различия в качестве этих земель еще не имели здесь того значения, какое они получили в Мервском оазисе. Поэтому порядок разверстки земли и воды, а также значение различных земель общины мы рассмотрим на материалах Мервского оазиса, где водоземельные порядки были аналогичны данным по Таджену.

²³ Материалы Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Из неопубликованных рукописей К. Маркса, «Сов. востоковедение», 1958, № 3, стр. 9. И. М. Рейснер, Указ. раб., стр. 150—152; В. М. Массон, В. А. Ромодин, Указ. раб., т. II, стр. 123—126.

²⁴ И. М. Рейснер, Указ. раб. стр. 109—111.

²⁵ Там же.

²⁶ Л. Р. Гордон, Указ. раб., стр. 99.

²⁷ В. В. Русинов, Указ. раб., стр. 36.

Туркменское племя теке заняло Мервский оазис в начале XIX в. Это племя состояло из двух подразделений: *отамыш* и *тохтамыш*, которые, в свою очередь, разделялись на роды, каждый род — на колена подколена. При расселении теке правая сторона Мургаба по жребию была занята тохтамышским подразделением, а левая — отамышским. Впоследствии тохтамышцы свои земли распределили вначале между двумя родами, в дальнейшем один род разделил свои земли на пять другой — только на две части. Внутри рода земли делились в зависимости от качества почв и условий орошения. Все мелкие группы родов получили свои наделы по жребию.

Распределение земель на левой стороне Мургаба было проведено несколько иначе, но в основе все-таки лежал родовой принцип. Землю в зависимости от качества разделили на три категории, а затем каждую из них — пополам между двумя основными родами этого подразделения. Наконец, земли всех трех категорий были разбиты на отдельные участки и по жребию распределены между более мелкими родовыми группами. Все эти земли через каждые 5—10 лет переделывались между подразделениями, а внутри них — между родами и более мелкими группами. В отличие от Теджена, в Мерве переделывались санашиковые худши полевые земли, а поля лучшего качества, сады и усадьбы уже были исключены из переделов, поэтому и люди здесь не переселялись на новые места.

В Мервском оазисе, как и у афганцев, вся земля и вода были собственностью родовой группы, отчуждение их даже внутри рода было недопустимо. Поэтому в случае смерти всего поколения какого-либо земледельца земля и вода переходили в распоряжение общества. Внутри родовых делений все женатые мужчины²⁹ имели одинаковое право на получение участка из свободного земельного фонда; этот участок они обязаны были возделывать в строго определенном порядке и в согласованное со всеми время. Такой участок земли называли *су* и давался он не в собственность, а лишь в наследственное пользование данного хозяйства. Здесь так же, как в Тедженском оазисе земля всей общины делилась на санашиковые и мюльковые. Земли первого вида были переделываемы и состояли из нескольких кусков, разбросанных в разных местах, обычно на периферии оазиса. Эти участки хуже орошались и поэтому использовались лишь под посевы злаковых. Общинные земли переделывались между группами хозяйств, а не между отдельными хозяйствами. Для этой вся земля разбивалась на одинаковые участки, которые являлись наделями крестьян, объединенных в группу суточных *серкер* или полусуточных — *келеме* — пользователей воды. Затем сведенные воедино участки обрабатывались сообща, а урожаем делили поровну на каждое *су*. При добная коллективная обработка земли называлась *шайрык*. При такой системе существовало полное обезличение наделов, так как при каждом переделе крестьянин получал под посев новый участок. Общинные порядки особенно ярко выступали при неблагоприятных водных условиях. В годы, когда воды для полива было мало, община устанавливала между группами (а внутри их — между хозяйствами) очередность в пользовании лучше орошенной землей.

Земли второго вида — мюльк (в отличие от тедженских мюльков) уже не переделывались. Эти участки, расположенные обычно в верховьях каналов, лучше орошались и шли под посев пропашных культур, в основном хлопка. При таком виде землевладения земля одного хозяйства также была расположена чересполосно с мюльками других хозяйств. В результате этого хозяева были вынуждены сдавать в аренду часть

²⁸ В. В. Русинов, Указ. раб., стр. 18—35, «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2., Ашхабад, 1957, стр. 13.

²⁹ Получение общих наделов лишь семейными мужчинами также служило основанием для усиления неравенства в общине.

своих мюльков, расположенных в отдалении от усадьбы и, в свою очередь, арендовать чужие мюльки, находившиеся по соседству с его усадьбой. При необходимости мюльк выделяли из специальных общинных фондов или выморочных земель.

Водоземельные порядки в верховьях Мургаба, в Иолотани, на Пяндже и Теджене, расположенных ближе к афганской границе, аналогичны только что описанным мервским. Единственным и довольно существенным отличием общин в Иолотани являлось то обстоятельство, что в последних право на водоземельный надел получал не женившийся человек, а каждый, достигший рабочего возраста.

Как показывают изложенные материалы, в восточной части Туркмении водоземельные отношения в значительной мере были подчинены «родовым», а затем и общинным отношениям. Однако нужно указать на то, что из пределов исключались лучшие земли, неженатым землям не выделялись. В западной части Туркмении на санашиковые земли имели право все группы хозяев, однако и здесь уже была введена система индивидуальных участков. В одних районах вне общины были поставлены только поздно пришедшие в селение люди, а в других исключались уже и свои (подростающее поколение). Последние были лишены лучших земель, их допускали лишь к пределам худших³⁰.

На территории расселения издревле оседлых народов (долины Сурхандарьи и Ширабада, низовья Кашкадарьи и Амударьи, район Чимкента), по заключению экономистов, общинное землепользование также было широко распространено³¹.

В некоторых из этих районов, среди туркменских племен, хотя и наблюдалось родо-племенное деление населения, однако в распределении земель уже не практиковался «родовой» принцип. Кроме того, здесь общины не распоряжались теми землями, на которых велось интенсивное земледелие, и землями, занятыми под садами и усадьбами. Такие виды земель находились в подворно-участковом владении отдельных хозяйств. Общинные же земли, разделенные на участки разного качества, ежегодно переделались только между группами родственных семей внутри общин (в них количества групп и участков соответствовали друг другу). Таким образом, на этих территориях совершенно исчезла возможность наделения новых хозяйств какими бы то ни было землями.

В указанных районах земля каждой общины разделялась на садовые *хайт*, *ёвон* и полевые *дала*, последние и переделались между группами родственных семей. Объединения группы родственных семей, а также их совместный участок назывались *пайкал*, *чак*³². В каждую группу входило от 6 до 8 крестьянских хозяйств. Обычно в таких группах каждый член имел одно право, т. е. он получал одну долю урожая из шести,

³⁰ Д. И. Субботич, Материалы по землепользованию в Закаспийской области, Ашхабад, 1908; Я. Р. Винников, Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР, М., 1969, стр. 79—86, 96—105; «Средне-Азиатский экономический район», Ташкент, 1922, стр. 49; В. В. Русинов, Указ. раб., стр. 37—39; Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXI, М., 1954, стр. 181.

³¹ Точные данные имеются лишь для низовьев Амударьи, где 6% хозяйств имели общинные земли. См. «Средне-Азиатский экономический район», стр. 49. В среднем Зеравшане 1570 га общинных земель переделалось между 208 хозяйствами, см. Б. А. Лыко, Итоги сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. по Самаркандской обл., «Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг.», Ташкент, вып. I, 1925; табл. 16; см. также: «Материалы по изучению хозяйства оседлого туземного населения в Туркестанском крае. Сартовское хозяйство в Чимкентском уезде Сырдарьинской области», Ташкент, 1912, Приложения, стр. 9.

³² В. А. Полозов, Узбекское общинное землепользование в Ширабадской долине и Каршинской степи Узбекской ССР. «Народное хозяйство Средней Азии», 1925 № 7; К. Шаниязов, Общинное землепользование в сел. Каллык, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXIV, 1960; «Материалы по изучению хозяйства оседлого населения в Туркестанском крае. Сартовское хозяйство в Чимкентском уезде Сырдарьинской области», Ташкент, 1912, стр. 64—80.

если крестьян в группе было шесть, или одну из восьми, если их было семь. Для того, чтобы стать членом группы и получить долю урожая, общинник должен был выставить при переделе земель пару волов (закон об этом существовал и среди племен Афганистана и Пакистана). Получив по жребию участок, каждый пайкал или чак собирал совет, который вырабатывал условия участия каждого члена в общих работах и распределения им доли урожая. Как видно, внутри таких пайкалов земля еще была разделена на участки между отдельными крестьянами. Однако по мере приближения к крупным торговым центрам, социальный состав менялся и в некоторых пайкалах одни члены имели два-три и даже четыре права, т. е. доли урожая, другие — только одно; встречались и так называемые «собственные» пайкалы, в которых один крестьянин владел всеми восьмью правами. На такой «пайкальной» земле хозяйство велось на иной основе, чем на тех землях, где работали владельцы одинаковых прав.

В «собственном» пайкале для возделывания земли привлекался дольщик, это мог быть и свой общинник, и пришлый человек. Однако независимо от внутреннего состояния пайкалов, каждый из них являлся податной единицей. Пайкал в целом представлял одного рабочего участка очистки канала, получал определенную долю воды.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что на территории Средней Азии сохранялись земельные переделы. Однако уже отсутствует принцип родового передела, почти полностью исчез обмен усадьбами и лицами, из переделов исключены лучшие земли. Некоторые члены общины лишены права на землю.

Возвращаясь к афганским материалам и сопоставляя их со среднеазиатскими, можно отметить и там подобное положение. Это усматривается и в существовании позднего вида переделов по сравнению с упомянутым; в исключении из переделов земель духовенства и вождей. Кроме того, переделу не подлежал сад, посаженный при переделах лиц и усадеб.

Процесс изживания переделов происходил как бы сверху вниз, т. е. вначале изживался передел земли по племенам, а затем — передел между группами родственных семей внутри общины. Завершился он полным исчезновением всяких переделов.

Хотя переделы пахотных земель в этих районах исчезли, здесь сохранились другие права общины — общинный севооборот, коллективные формы труда, наиболее полно и систематически применявшиеся в проведении и поддержке ирригационных систем.

Как отметил Ф. Энгельс, «Община-марка, отказавшись от права юридического передела пахотной земли и лугов между отдельными своими членами, из всех прочих прав на эти земли не уступила ни одного. Община передала свои земли отдельным лицам только с целью использования их в качестве пашни и лугов... Но и пользование полем и лугом было подчинено контролю и регулированию со стороны общины... вся пахотная земля делилась на три одинаковых по размеру поля... При распределении земли заботились о том, чтобы каждый член общины получал одинаковую долю во всех трех полях, и мог бы, таким образом, без ущерба подчиняться принудительному севообороту общины... Этот, так называемый принудительный выпас, естественно требовал, — продолжал Ф. Энгельс, — чтобы время посева, как и жатвы, не зависело от воли отдельного лица, а было для всех общим и устанавливалось общинной традицией»³³.

По утверждению ряда востоковедов, агрономов и других специалистов, посетивших Среднюю Азию еще в середине — конце XIX в. в эти

³³ Ф. Энгельс, Марка, стр. 334, 335.

районах переделы земель внутри общин сохранились до конца XIX в.³⁴ О недавнем существовании здесь общинных переделов имеются и некоторые косвенные данные. К ним следует отнести отмеченное еще в 30-х годах XX в. разделение земель в общине на одинаковые участки, известное здесь под термином *кушджуфти-гау, кетмень*³⁵. Отметим, что А. Д. Давыдов именно по сохранившимся одинаковым наделам у крестьян³⁶ заключает о существовании в прошлом общинных переделов в ряде районов Афганистана.

Еще одним весьма любопытным свидетельством, подтверждающим существование в недавнем прошлом переделов, а также сохранение среднеазиатской общиной ряда прав является факт использования крестьянских земель общиной, хотя эти земли и были уже закреплены за отдельными владельцами. Несмотря на то, что состав полевых угодий и возделывавшихся на полях культур диктовался природными и экономическими условиями, окончательно он утверждался с общего согласия общины — глав домохозяев. По традиционной системе земледелия требовалось разделение пашен на три клена. Размер кленьев, их расположение, необходимость того или иного изменения — все это находилось в ведении всей общины.

В рисоводческих районах Зеравшана, в Шахрисябзском оазисе (верховья Кашкадарьи) весь массив пахотных земель сразу делили на три угодья, в каждом из них крестьяне имели свой надел. Через определенное время (3—5 лет) по общему согласию членов общины расположение угодий менялось. Там же, где посевы риса отсутствовали, поля также разделялись на три части: пар, посев злаковых и пропашных. Но в данном случае на угодья делился каждый крестьянский надел, находившийся на том или ином участке. Поэтому полевая территория общины представляла довольно пеструю картину. Однако и в данном случае существовало согласованное распределение угодий. Здесь крестьяне — соседи по землям, а следовательно и вся община, договаривались о планировке своих полей и старались одинаковые угодья расположить по соседству. В результате этого создавались довольно большие площади одинаковых угодий, кроме того, крестьяне могли рациональнее использовать воду, землю и труд. Благодаря общинным связям можно было поддерживать в хорошем состоянии оросительные каналы, что, в свою очередь, позволяло сохранять в этих областях обычай распределения воды между отдельными, преимущественно родственными, группами крестьян. Размер групп, так же как и количество воды, получаемой каждой группой, отличался по районам и зависел от природных условий, от направления хозяйства, от плотности населения и ряда других причин. Нами установлено, что в средней части Зеравшанской долины каждая группа занимала 12 га (50 танапов земли)³⁷. Размеры же земельных наделов отдельных хозяйств в группе были различны, что обуславливало и различный численный состав групп. В многоводных районах, где

³⁴ Л. Ф. Костенко, Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности, СПб., 1871, стр. 166—167; А. И. Шахназаров, Сельское хозяйство в Туркестанском крае, СПб., 1908, стр. 66—70.

³⁵ Л. Н. Соболев, Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе, «Записки РГО, отд. статистики», т. IV, СПб., 1874, стр. 261, 263, 389; В. Л. Вяткин, Указ. раб., стр. 17—18; А. Шишов, Сары, ч. I, «Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области», кн. XI, Ташкент, 1904, стр. 190—192; Н. М. Вирский, Очерки Яны-Курганской волости Джизакского уезда Самаркандской обл., «Справочная книга Самаркандской области», вып. X, 1912; О. Д. Чехович, Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XVIII вв., Ташкент, 1954, стр. 18, 60—64, 74—75, 157, 166. В настоящей работе мы не касаемся размеров этих участков, различающихся в зависимости от определенных природно-хозяйственных и исторических условий.

³⁶ А. Д. Давыдов, Указ. раб., стр. 21—27.

³⁷ В литературе участок земли в 50 танапов, составлявший общую площадь, занимаемую группой крестьян, и именуемый кош или джуфтигау, ошибочно определяется как мера земли, которую могла вспахать пара волов.

велось интенсивное хозяйство, например, рисово-хлопковое полеводство. Большая часть групп была многолюдной. Напротив, в маловодных районах, имевших в основном зерновое экстенсивное полеводство, в одну группу объединялось не более 5—6 человек.

Трудоемкие и не терпящие отлагательства работы выполнялись объединенными усилиями всех членов данной общины; иногда они выполнялись группами, образованными из более или менее молодых мужчин. Необходимую работу выполняли сначала в одной, а потом и в других группах³⁸. В ряде районов (западная часть Зеравшанской долины, в Шахрисябзском оазисе) подобные коллективы были постоянны по составу, имели выборного главу. В восточной же части Зеравшана состав таких объединений был более изменчив и в них обычно отсутствовал руководитель работ — в каждом конкретном случае ими ведал хозяин земли. Сами общие работы имели скорее характер помочей.

Не менее существенным моментом является обособление из общины более зажиточной части, которая захватывала все больше и больше земли и выбывала из трудовых объединений, причем не одна, а вместе с теми членами, права которых она захватила, оставшаяся часть общинников, бедняки и середняки, продолжали трудиться совместно.

Подобное положение отмечалось довольно широко и в Афганистане и примыкающей к нему части Пакистана³⁹.

Наконец, в ряде районов исчезли и последние, по выражению А. Д. Давыдова, «сервитуты» общинных отношений: согласованный севооборот, распределение угодий и культур, общие коллективные формы труда в земледелии. Общинные связи проявлялись в этих районах лишь в объединении сил для поддержания ирригационной системы, а также для выполнения отдельных полевых работ.

Сопоставляя характер общинных отношений в конкретном районе с общим экономическим положением данного района, можно проследить определенную связь между тем и другим. По системе полеводства территория Средней Азии разделялась на шесть хозяйственных районов; в трех из них хозяйство было экстенсивным, в двух, где возделывались товарные культуры, — интенсивным; в основном со среднеинтенсивной плодосменной системой хозяйство находилось на среднем уровне развития⁴⁰. Такое районирование достаточно ясно показывает, что степень интенсивности земледелия отражает степень разрушения общинных связей.

Как видно из приведенных выше материалов, в общинах у афганских племен и их соседей туркмен, занимавшихся экстенсивным земледелием, в конце XIX—начале XX в. были широко распространены земельные переделы, общинный севооборот, коллективный труд. Однако у туркмен, с одной стороны, и афганцев — с другой, имелись и свои особенности. Поскольку туркменские племена являлись и владельцами и пользователями земель, то переделы, распределение угодий и культур, а также организация различных форм труда — все это происходило среди самих туркмен. Афганцы же в основном являлись владельцами земли, а пользовались землей покоренное население. Поэтому здесь организация труда была связана не с афганцами, а с издольщиками, тогда как переделы земель происходили не между крестьянами-издольщиками, а между афганцами. Правильность этого положения полностью подтверждается глубоким и разносторонним исследованием афганской деревни, проведенным А. Д. Давыдовым с учетом природно-хозяйственных условий и

³⁸ «Этнографические очерки узбекского сельского населения», стр. 67—73. Те или иные трудовые объединения, возникавшие среди крестьян одной общины во время полевых работ, существовали повсеместно в Средней Азии; эти коллективные работы выступают большей частью под названием *хашар*, *алгов*; встречаются и менее распространенные термины *кумак*, *тегии*.

³⁹ И. М. Рейснер, Указ. раб., стр. 165—168; А. Д. Давыдов, Указ. раб., стр. 45—46, 56—68, 78, 95, 96, 148, 199, 223, 224.

⁴⁰ «Среднеазиатский экономический район», стр. 35, 36, 49—52.

социально-экономических отношений в Афганистане, а также этнической принадлежности населения этой страны. В ряде районов Средней Азии — в Сурхандарьинской и Кашкадарьинской долинах, в Ширабаде, низовьях Амударьи, Чимкентской области, где также сложилось экстенсивное земледелие, уже исчез родовой принцип земельных переделов. В Зеравшанской долине, на землях по верхнему течению Кашкадарьи, а также во всех долинах Афганистана исчезли переделы земель, но сохранилось согласованное использование земель, распределение угодий и культур, а также коллективный труд в ирригации и некоторых полевых работах.

Наконец, в Ферганской долине и вокруг таких крупных торгово-промышленных городов, как Самарканд, Ташкент, Бухара в Средней Азии, Кабул и Джелалабад — в Афганистане, т. е. в районах с интенсивным земледелием и производством товарных культур, отсутствовали не только родовой принцип в переделах и сами переделы, но даже и согласованное определение угодий и культур. Здесь отмечались лишь коллективные работы на ирригационных системах.

В Средней Азии независимо от направления земледелия всюду отмечается довольно значительное количество хозяйств, не имевших посевов, так как некоторые члены общин потеряли свои полевые земли или право на их обработку и получение урожая. Примерно от одной пятой до одной четвертой части общинников в Средней Азии владели неполными наделами полевых земель, достаточными для ведения самостоятельного хозяйства и содержания семьи. Однако здесь не наблюдается какой-либо связи между потерей полевых земель крестьянами и направлением земледелия, а следовательно, и степенью исчезновения общинных отношений. Тем не менее сами материалы о беспосевных хозяйствах отражали процесс хотя бы частичной потери земли и ухода крестьянина из общины.

Однако лишение полевой земли еще не означало полного разрыва связи крестьянина с общиной. Сплошь и рядом такие крестьяне продолжали заниматься земледелием, но уже на арендованной ими земле внутри или вне общины. Значительная распространенность арендных отношений отмечалась в районах как интенсивного, так и экстенсивного земледелия. В районах с экстенсивным земледелием такое явление объяснялось сохранением общинных водоземельных отношений, в районах интенсивного земледелия — значительной классовой дифференциацией⁴¹. В районе со среднеинтенсивным земледелием, где общинные связи в землепользовании выражались главным образом в коллективном распределении культур и угодий, в трудовых объединениях и т. д., к аренде земли прибегали значительно реже (1,1% в Ходженте, 3,6% в Самаркандском уезде).

Во всех случаях лишения земли крестьяне в той или иной мере теряли связь с интересами остальных общинников. Отношения их с общиной держались на усадьбой земле, которую общинник получил в постоянное пользование раньше, чем полевые, и терял ее в последнюю очередь. К 1917 г., т. е. к периоду наибольшего обострения социального расслоения крестьян в Средней Азии, общее количество безземельных «крестьян» достигло 4%. Однако после более детального рассмотрения данного вопроса можно сделать вывод, что в определенных условиях этот процесс получил большее развитие⁴². Полное обезземеливание крестьян означает потерю и дома-усадыбы. В результате этого такой «крестьянин» перестает быть членом своей общины. Он становится наемным рабочим в своем же селе или в другом месте, куда он переселяется.

⁴¹ «Издольная аренда в Узбекистане», Самарканд, 1930, стр. 7; В. В. Русинов, Указ. раб., стр. 40.

⁴² Степень обезземеливания крестьян достигала в Джалалабадской волости 7,2%, в Кургантепинской — 8,7%, в Кутлугсеидской — 8,1%, Чукотской — 18,7%, Меркенской — 33,3% (Материалы... Самарканд, 1925, вып. 1, стр. 35, 41, 47, вып. 3, § 51, стр. 117, 121).